

Н.В. ГАЛИНОВА, М.Э. РУТ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ОСВОЕНИЕМ ЛЕКСИКИ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация: В статье представлены наблюдения за формированием лексикона ребенка от 3 до 8 лет. Отражены особенности создания лексических инноваций и освоения существующих в языке лексем.

Ключевые слова: лексикон ребенка, речевые инновации, мотивированность.

Наблюдения за речевыми инновациями конкретного ребенка всегда богаты уникальным материалом. В данной публикации представлены заметки о лексических инновациях в речи девочки Ани, наблюдаемой с первых попыток говорения до 8 лет, т. е. до настоящего времени.

На начальных этапах речевого развития (в дошкольном и даже младшем школьном онтогенезе) незнакомое слово нередко осмысливается через призму звукового сходства лексем. Так, услышанное от взрослых слово *питомец* в речи Ани приобретает вид *питóнец* (5 лет) – так она говорит про свою игрушечную собачку, связывая новое слово с уже известным ей *питон*; кошку Рису породы сфинкс девочка называет *свинкс* (5 лет 5 мес.).

Обилие новых слов порождает их смешение, употребление вместо одного другого, хотя бы отчасти созвучного необходимому, например: показывает, как на занятиях по гимнастике старшие девочки садились на корточки и выпрыгивали вверх: *Девочки садятся на форточки и прыгают* (5 лет 5 мес.); – *Я не стала конфеты есть. – Почему? – Потому что у меня дефицит* (диатез) (6 лет); *Я с жёлудя скарлатинку* (скорлупу) *сняла, расколола его, а там червяк* (6 лет); в театре перед спектаклем: *А контракт (антракт) будет?* (6 лет 10 мес.); нарисовала пунктиром контур птицы и зовет: *Иди обводи, я тебе абажур нарисовала* (6 лет 10 мес.). В последнем случае возможна ассоциация по сходству функции (каркас абажура и контур предмета).

Замены могут быть обусловлены ложным прочтением мотивации – увидела на фотографии мальчика, играющего на трубе: *Смотри, мальчик-трубочист* (4 года 10 мес.); вывеску на магазине читает «*Твари для дома*» (вместо «Товары для дома»), очевидно, считая, что это магазин, где продают домашних животных (привыкла дома слышать слово *тварь*, относящееся к кошке).

Столкновение с новой лексемой может вызвать ее неприятие из-за прочной связи сходной лексемы с иным понятием. Так, Ане говорят, указывая на экран телевизора: *Смотри, сколько пчел. Они дают нам мед. А домик у них называется улей.* Аня, чуть не плача: *Нет, это у меня мама Уля!* Попытки объяснить недоразумение не приносят успеха, девочка плачет, приговаривая: *Не смейтесь над моей мамой Улей!* (3 года). Другой пример подобной привычки к слову: утром мама говорит Ане: *Давай буди отца* – Аня (с плачем в голосе): *Это не отец, это папа!* (2 года 9 мес.).

С другой стороны, непрочитываемый структурно звукокомплекс может обретать вид изобретенного по созвучию квазислова, оказывающего влияние на дальнейшее восприятие текста. Так, однажды утром Аня спрашивает: – *Бабушка, что такое чебургá?* – *Я не знаю. А ты, Аня, знаешь?* – *И я не знаю.* Из дальнейшего разговора выясняется, что в садике учат к 23 февраля песню про пограничников и Аня с выражением поёт: *На границе чебургá смело встретила врага* (на самом деле: *На границе, где пурга, смело встретил он врага* – незнакомое слово *пурга* повлекло за собой серьезные трансформации разучиваемых слов песни).

Наряду с усвоением лексики идет и процесс самостоятельной вербализации нового знания. Здесь возможны прежде всего описательные конструкции и словосочетания, например: *была на площади в ледяном городке*; рассказывает, что там увидела, и забыла, как называется лабиринт: *Ну, этот, где заблуживаются* (5 лет 5 мес.).

Многочисленны примеры создания слов по уже освоенным моделям: *Ты покупатель, а я продаватель* (3 года 5 мес.); *журналы про шивáтельство* (журналы для вязания) (3 года 10 мес.); сидит на стремянке, изображает, что ловит рыбу удочкой: *Я*

рыболóвник (3 года 11 мес.); *Бабушка, давай играть в продавателство* (в магазин) (4 года); *ры́бник* – рыбак, *поварни́к* – повар (4 года); смотрит на картинку, где много цыплят, причем все маленькие, а один очень крупный: *У них что, мама цыплёха, что ли?* (4 года 10 мес.) *Мальчиков называют школьники, а девочек – школьнички* (5 лет); праздник, посвященный 8 Марта, был после ужина, в 16-30: *У вас вчера утренник был?* – *Нет, не было. У нас вчера вéчерник был в садике* (6 лет).

Новые номинации нередко носят ситуативный характер и, пожалуй, забылись бы сразу, если бы не были записаны: *играя, как бы насобирала грибов: Пей грибовый чай.* (3 года 4 мес.); *С добрым утром! Уже светло, а вы всё храпите. Храпу́шки* (4 года); – *Аня, смотри, на крыльце невеста стоит.* – (с возмущением) *А она курит! Какая кури́ная невеста!* (4 года); *Сегодня падающий день и спальный* (о дне после встречи Нового года) (4 года); *Не морозь меня. Я и так не согрелась, у меня ещё ноги морóзные* (4 года 11 мес.); *Это был предупредительный дождик* (о дожде перед грозой) (5 лет); *Соня* (кошка) – *маленькая щипóтка, щиплетя* (5 лет 5 мес.); *У бабушки на голове две вертушки* (бигуди) (5 лет 5 мес.); *Я даже не схолоди́лась, не замёрзла.* (5 лет 5 мес.); *Оказалось, что это песочный совок* (для песка) (6 лет); *Тебе надо ягодку варённую?* (из варенья) (6 лет); *Подружка* (кошка) *когти́вая* (с когтями) (6 лет). Особенно такая ситуативность бросается в глаза, когда возникают номинативные варианты, ср.: раскрашивает в раскраске принцессу; раскрасила волосы, платье, туфли: *А ко́жевного карандаша у меня нет* (чтобы раскрасить кожу лица, рук) (5 лет 5 мес.); *Много фломастеров, и даже ко́жевые есть, светло-ко́жевый и тёмно-ко́жевый* (чтобы в раскрасках лицо раскрашивать) (5 лет 5 мес.).

Интересны факты, когда для образования новых форм по вполне традиционным моделям вдруг используются неожиданные основы: *Там тишинёе в другой комнате* (6 лет) сравнительная степень образована от существительного *тишина*; *Соня* (кошка) *мне так больну́ла, так бабахнула мне в грудь* (6 лет) – глагол образован от существительного *боль*, при этом обозначает активное действие, а не состояние.

Зафиксирована и обратная ситуация – ребенок образует по нетрадиционной модели слово вместо хорошо известного: *Дедушка нашел папину ложку. – Какую ложку? – Детственную* (вместо *детскую*) (6 лет).

Нередко в речи отражаются попытки ребенка найти нужное слово, при этом проявляется диффузность семантики знакомых ребенку лексем: *Мне так нежно было сегодня* (спать под новой махровой простыней) (4 года); – *Аня, в бассейне детей сегодня много было?* – *Почти много, немножко мало; мальчиков больше, чем девочек* (4 года 11 мес.); *У меня везде друзья кишат!* (6 лет); *Надо линию нарисовать наперекосяк* (наискосок) (6 лет).

Возможно смешение однокоренных слов в результате того, что при осознании их родственности еще не осознается специфика их значений: о порезанном пальце – *Ничего, проживёт* (вместо *заживет*) (3 года 10 мес.); *Что вы меня бьёте!* (вместо *перебиваете*) (5 лет); на прогулке увидела на кусте воробья, сказала, что умеет говорить на воробьином языке – и разговор действительно состоялся: Аня: *Чик-чик!* Воробей тут же в ответ: *Чик-чирик!* И так они довольно долго переговаривались. В итоге воробей раскричался и улетел. Аня: *Совсем заволновали* (вместо *взволновали*) *воробья!* (6 лет).

Есть трудности в восприятии полисемии:– *Бабушка, там моль в комнате летает. Она Мотьку* (кота) *съест, ведь у него шерсть!* – *Нет, она только старую шерсть ест. – А Мотька старый, она его съест!* (4 года 11 мес.).

С другой стороны, в значении слова может быть выделен лишь один компонент, остальными ребенок пренебрегает. Так, отец помог Ане выдернуть шатающийся молочный зуб. Вскоре девочка увидела в лифте рекламу про стоматологию и говорит: *Да, папа у меня стоматолог. Он с таким удовольствием зубы выдирает* (6 лет).

О недостаточной усвоенности фразеологизмов свидетельствует трансформация идиоматических выражений: *У меня сердце с душой в пятки ушли* (5 лет 5 мес.); *Я сейчас вся в нервах* (6 лет); *Бабушка смотрела всеми глазами* (6 лет); *У меня сердце юркнуло* (6 лет). Близок к этому явлению по природе следующий

пример: дали Ане драже «Тик-так»; через какое-то время Аня говорит: *Дай мне ещё часики*. (4 года 11 мес.).

Вербализуя новое знание, Аня часто прибегает к метафорам: на выходе из зоопарка: *Нет, я еще жёлтый лопух не ела!* – оказалось, речь идет о сладкой вате (3 года 2 мес.); увидела женщину с мальчиком лет семи, одетых в красные куртки и говорит бабушке: *Смотри, за нами две божьих коровки идут!* (3 года 9 мес.); *Наташа, у тебя такая машинка ловкая* (об автомобиле) (3 года 9 мес.); *Давай бараниться* (бодаться) (4 года); *Я зевнула, и ухо проснулось* (4 года); простудилась, лечится: *У меня сегодня ржавый голос* (5 лет 5 мес.).

С раннего возраста Аня проявляет интерес к внутренней форме слова. Так, близкие часто называют ее Анютой. Однажды увидела мальчика с букетиком анютиных глазок. Смотрит на него какое-то время и говорит: *Смотри, мальчик мои глазки сорвал!* (3 года 4 мес.). Другие примеры: непонятно слово *перевариваться* (о пище). Аня создает народноэтимологическую форму *переваливаться*: *Я пообедала. Там* (показывает на живот) *у меня суп переваливается*. (4 года); после обеда: *Бабушка, у меня уже всё перевалилось, можно мне шоколадку?* (4 года). Услышала, что бабушка сказала о голубях *гады*. Подумала и говорит: *Они гады, потому что гадят* (6 лет 10 мес.).

Особого внимания заслуживает употребление имен собственных. После того, как Аня пошла в детский сад, она столкнулась с названием взрослых по имени-отчеству. При этом отчество в Анином сознании вышло на первый план, как новый компонент в привычной системе именования.

Аня часто находилась в соседней группе детского сада, где ее мама работала нянечкой, и слышала, что дети называют маму по имени-отчеству; поэтому на вопрос *Как маму зовут?* не один раз говорила *Мама Павловна* (2 года 11 мес.; 5,5 лет).

Нянечку в группе Ани звали *Раиса Фасхутдиновна* – сочетание весьма трудное для произношения маленькими детьми. При неизбежном в таком случае сокращения именования в детской речи исчезло не отчество, а имя, поскольку именно отчество маркирует взрослого в «официальной», не домашней, обстановке. В итоге нянечку Аня стала называть *Фасхутдиновной*, одновременно осуществив еще и апеллятивизацию данного именова-

ния: *Мама работает в садике Фасхутдиновной* (6 лет). Следующим этапом стало использование формы *фасхутдиночка* в значении 'нянечка': *это не наша фасхутдиночка* (о нянечке из соседней группы) (6 лет); *вон фасхутдиночки из нашего садика* (6 лет).

Аню научили ее полному имени, что произвело на нее большое впечатление. Она воспринимает полное имя как единственное языковое средство своей самоидентификации. На шуточные вопросы «*Что же это за девочка?*», «*Ты мышка?*» и т. д. серьезно и с достоинством, слегка смущаясь, отвечает: *Я Дёгтева Анна Сергеевна* (2 года 5 мес.). В парке на качелях: *Ура, я летаю, я летаю, как птичка! – Ты маленькая птичка? – Нет, я большая Аня Дёгтева* (2 года 11 мес.).

Сделанные наблюдения, конечно, не носят регулярный характер и не могут дать полную картину путей усвоения ребенком лексического богатства родного языка. Однако можно сделать вывод об отсутствии возрастных различий в освоении лексики: от трех лет до шести Аня оперирует словами примерно в одинаковом ключе – меняется только сам словарный запас.

©Галинова Н.В., 2013

©Рут М.Э., 2013